

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ПЕРВЫЙ РЯД

ПИТЕР
КЭРИ

ВДАЛИ
ОТ ДОМА

Москва
2018

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44
К98

Peter Carey
A LONG WAY FROM HOME
Copyright © 2018 Peter Carey

Перевод с английского *Ксении Чистопольской*

Дизайн серии и оформление переплета:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Кэри, Питер.

К98 Вдали от дома / Питер Кэри ; [пер. с англ. К. Чистопольской]. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд).

ISBN 978-5-04-097063-6

Айрин Бобс любит быструю езду. Вместе с мужем, лучшим автодилером юго-востока Австралии, она решает принять участие в Испытании «Редекс», жестокой автогонке через весь континент по дорогам, по которым почти никто не пройдет. Штурманом команды станет неудавшийся учитель Вилли, картограф-любитель, знающий, как вывести команду к победе.

Гонка в пространстве накладывается на гонку во времени: древний континент откроет дорогу в прошлое. Геноцид, неприкрытый расизм, вопиющие несправедливости — история каждой страны хранит свои темные секреты. И нам только кажется, что они вдали от дома.

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-097063-6

© Чистопольская К., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

От автора

За одним или двумя исключениями я всю жизнь писал о своем австралийском наследии, исследуя наше колониальное прошлое, наше возможное будущее, представляя 1878, 1975, 1932 годы, или, порой, как в «Необычной жизни Тристана Смита», я смотрел на нашу историю через искривляющие линзы, в соответствии с которыми, «мы скажем тебе, что сейчас 426 год, а ты должен все устроить». Действие романа, который вы сейчас держите в руках, происходит в далеком 1954 году, о котором я знаю чуть больше многих.

В прошлом я придумывал толстяков и графинь, воров и художников, мошенников, наследниц, врачей, выполнявших аборт, взломщиков, китайских травников, и, хотя всегда старался признать необычные обстоятельства вторжения, колонизации и иммиграции, которые сделали нас теми, кто мы есть, я — по причинам, которые этот роман вскоре драматически изобразит, — избегал прямой конфронтации с расовым вопросом: с тем, что значит быть белым австралийцем.

Это роман, который я замышлял всю жизнь, не зная, как его написать. Надеюсь, он окажется лучшим моим трудом, но даже если он мне не удался, я рад, что прожил достаточно долго, чтобы не испугаться трудностей.

Мне было бы стыдно, окажись все иначе.

Бахус-Марш, в 33 милях от Мельбурна

1

Девушке нелегко одолеть одного отца, а между мной и предметом моих желаний их стояло двое, и желала я — чтобы не тянуть кота за хвост — славного паренька по имени Коротышка Бобс.

Первый отец был мой собственный. Когда он узнал, что я, его крошка Айрин, его мышонок, его миниатюрная мадемуазель, сама предложила пожениться мужчине ростом в пять футов три дюйма¹, он поперхнулся хлопьями «Пшеничные».

Отец Коротышки был вторым. Он выскочил с порога, пытаясь всячески угодить. Я была красоткой, боббидэззлой², пока в коридоре возле вешалки он не дал мне повод съездить ему по лицу.

Сестра была старше меня и «опытнее». Она не могла понять, зачем мне такой маленький муж. Я планирую вывести стайку мышей? Ха и еще раз ха. Беверли сама была пять футов и два с половиной дюйма ростом и вечно расторгала помолвки, то с долговязым Лёрчем, то с великаном Дино, то со знаменитым футболистом, чье имя мне хватит соображения не называть. Я бы побоялась пожать ему руку, не говоря уж о всяком прочем.

¹ Примерно 1,6 метра. — *Здесь и далее прим. перевод.*

² Bobby-dazzler (*австрал.*) — крупный самородок, а также великолепный, сногшибательный человек или вещь.

Беверли сама постелила себе постель и получила то, чего можно было ожидать: тридцатичасовые схватки и головы с тыкву. Мои детишки были крошечные и хорошенькие, в папочку, безупречные в смысле пропорций, ладных ручек-ножек, розовых щечек, унаследованных от Коротышки, улыбчивые в меня. Сестра не могла вынести моего счастья. Она годами искала доказательства «липы». Когда ее первый муж сбежал в Новую Зеландию, она написала мне злобное письмо, дескать, я больше интересуюсь своим мужем, чем детишками. Она говорила, что ее мальчики для нее — всё. Она-то знала, писала она, что я вышла замуж за Коротышку только из-за денег. Она была расстроена, конечно. Как же иначе? Она вышла замуж за мерзавца. Развод оставил ее «без гроша», так что теперь она просила разрешения вернуться в отчий дом, который мы обе унаследовали и продаже которого ей всегда удавалось помешать. Возможно, нам с Коротышкой пригодились бы эти деньги? Она не спрашивала. Изменили бы они нашу жизнь? Конечно. Я согласилась на номинальную ренту и оставила свои чувства при себе.

Беверли любила говорить, что я своенравна, эту мысль она переняла у мамы. Но маме нравилось мое своенравие. Она приходила в восторг, когда я добивалась своего. Конечно, она была почти такой же, мамато, а еще у нее были уж такие ровные зубы и красивые скулы — за ее улыбку можно было отдать все на свете, даже купить ей стиральную машинку. Она убедила папу приобрести «форд», и именно так Коротышка оказался у нашей двери в Джилонге, в штате Виктория, в Австралии. В Европе праздновали День Победы, 8 мая 1945 года.

Никто никогда не узнает, как мама планировала использовать «форд». Ездить в Колак к сестре после церкви? Даже отец не мог в это поверить. Не важно. Он все

равно выписал чек продавцу, Дэну Бобсту, который, как я обнаружила, когда открыла дверь в День Победы, приложил к машине «бесплатные» уроки вождения от своего сыночка. О боже, ну и видок был у этого сыночка, стоявшего на нашем крыльце с картонным чемоданом тем воскресным утром. Оказалось, он будет жить у нас.

Увы, бедная мама, ей так и не довелось вставить ключ в зажигание; все были так опечалены и заняты похоронами, и потому никто не сказал молодому человеку, что он должен уехать. Ему негде было остановиться, и он распаковал свое «портманто» и «ожидал указаний», как он позже любил вспоминать. «Форд» был припаркован возле дома, без всяких признаков, что он — часть наследства.

Маму похоронили на кладбище Маунт-Данид, и наш новый жилец был единственным, кто помог мне разобрать ее вещи. Он не напоминал о машине или уроках, которые собирался давать усопшей. Он спросил меня, умею ли я водить. Я ответила, что, если бы он пришел домой в шесть вечера, мы бы напоили его чаем. Посреди всей этой тоски ладный краснощекий мужчина был большим утешением, от которого я не могла отказаться. Я затаила дыхание. Состряпала ему ужин, а он дочиста все подъял на своей тарелке и помог мне вытереть посуду. Он был опрятным. Когда я плакала, он меня утешал. Он рассыпал тальк на полу в ванной.

Ночами на Вестерн-Бич, когда слышался скрип сиротливых якорных цепей старых военных судов в заливе Корио, он рассказывал мне истории о своем отце, представлявшиеся ему смешными. Они оказались важнее, чем я думала. Как бы то ни было, у меня глаза пылали огнем, когда я слушала, что славный паренек сломал руку, крутя винт чертова отцовского моноплана, и что старый лиходеи научил его приземляться, сидя за

ним в кресле штурмана и колотя по хрупкой сыновней спине кулаком, пока тот не выжимал штурвал вниз, как следовало; что он бросил его у пары старых холостяков-ирландцев в Булленгаруке, пока те учились водить купленную у него машину. Сынка прозвали Коротышкой, хотя порой он бывал Заком, как называют в Австралии шестипенсовик, то есть полшиллинга, или пол-«боба», раз отец его Бобст. Забудьте. Он всегда был Коротышкой, боже правый, и меня, похоже, отправили на землю любить твоё измученное тело и бесовски веселую душу.

Как я могла предсказать, милая Беверли, куда приведет меня желание моего сердца? Когда я впервые увидела Коротышку, наш папа был ещё жив. Мои малыши ещё не родились. Я не умела водить машину. Эра борьбы «холдена» против «форда» ещё не наступила. Не начались ещё даже заезды «Вокруг Австралии» — испытания надёжности «Редекс»¹, величайшие австралийские ралли века, до которых я ещё доберусь.

Я вышла замуж в тот же день, как получила водительские права. Сама довезла нас до Уоррагэла, проехав сотню миль. После мы переехали в Сейл, потом в Бэрнсдейл, и Коротышка продавал «форды» для своего отца, который всегда обсчитывал его на комиссионных. Мой муж был идеален почти во всем, и я поняла это прежде, чем узнала про его дар, а это последнее, чего ждешь от продавца автомобилей: он не умел лгать — или так казалось. Он никогда не преувеличивал, разве что ради шут-

¹ Первые испытания надёжности присадки к топливу REDeX проводились в штате Новый Южный Уэльс в 1952—1953 годах. Это были не гонки, однако опоздавшим присуждались штрафные очки. Первое ралли Вокруг Австралии в 1953 году захватывало только восток и центр (Элис Спрингз), однако в следующем году маршрут был проложен через весь материк: Сидней, Брисбен, Рокгемптон, Маккей, Таунсвилл, Маунт-Айза, Дарвин, Брум, Микатарра, Мадьюра, Мельбурн, Сидней.

ки. Был смешным, дерзким. Поведал мне, что развил в себе навык не получать по морде, а это очень кстати, учитывая, в каких барах он обтяпывал дела.

Мы жили в пансионатах, снимали комнаты и поедали стада баранины, но были невероятно счастливы, даже когда его отец обитал в соседней комнате. Порой мы смеялись до колик, катаясь по ковру воскресными вечерами. Этого с лихвой бы хватило любому.

Мой свекор вечно меня поддавливал. Я не говорила Коротышке о папашиних омерзительных предложениях. Он никогда не слышал о них, слава богу. Не замечал муж и его оскорблений в свой адрес. Дэн Бобс не был красавцем, но так злоупотреблял расческой, что в итоге растерял всю шевелюру. Коротышке было чуждо тщеславие. Он до бесконечности выслушивал, как негодяй хвастается своими похождениями. Я выносила это на протяжении многих лет, пока старик не нашел в Мельбурне женщину, способную его вытерпеть. Когда он объявил в «Уоррагэл экспресс» об уходе на пенсию, я не осмеливалась в это поверить.

Дэн всю жизнь клеил вырезки в памятный альбом. Он первым в Австралии получил летную лицензию. Летал на самолетах, и о нем писали, когда он их разбивал. Участвовал в гонках на «фордах» из Мельбурна в Сидней. Продавал машины от фермы к ферме в затхлом коровьем округе Гиппсленд и на вулканических равнинах Санбери, где работал по старинке: оставлял сына давать уроки вождения. Неужели он махнул на все рукой? Или его «пенсия» была лишь очередным поводом для заметки?

Эдит было уже семь. Ронни только родился. Я уложила малыша в коляску, чтобы помочь его деду перенести пожитки в трейлер. Ронни проснулся мокрым и голодным, но я не подошла к нему, пока не накрыла брезентом замасленное барахло Дэна. И даже тогда

ямедлила, глядя, как красный свет габаритных огней исчезает за углом дома.

Вскоре мы получили открытку от «Миссис Доналдсон», которая представилась «домоуправительницей» старика. Потом пришел конверт, в котором содержалась вырезка из «Рекламы Мордиаллока». Папаша стал продавать утиль. Миссис Доналдсон сообщила, что у них «грандиозный» задний двор. «Дэнни» повесил табличку на ворота: «СТАРЕЙШИЙ АВИАТОР В МИРЕ». Продавал списанное военное снаряжение и, по случаю, поддержанные автомобили. Он сделал еще одну табличку: «ЕСЛИ НЕ МОЖЕТЕ НАЙТИ ЧТО-ТО ЗДЕСЬ, ЭТОГО НЕ СУЩЕСТВУЕТ НА СВЕТЕ». Нам доставили фотографию: мы увидели, что он «усовершенствовал» переднюю веранду, и теперь ее поддерживали пропеллеры аэропланов.

ОТСТАВНОЙ АВИАТОР ПОСЕЛИЛСЯ НА УОТТЛ-СТРИТ.

Дэн никогда бы не попросил у нас денег напрямую. Вместо этого он появился с водяным насосом для «форда» 1946 года. Коротышке он был не нужен, но мне никогда не удавалось убедить его отказать отцу.

Бeverли говорила, что я всегда настаиваю на своем, но в действительности своего добивалась Беверли, отказываясь устроиться на работу или отступить от нашего дома в Джилонге. Денег за него хватило бы, чтобы открыть автосалон, но Коротышка никогда не задавал мне вопросов, никогда не спорил, никогда не настаивал.

Когда Дэн оставил нас, чтобы изводить миссис Доналдсон, я обнаружила, что сдается дом в Бахус-Марше — это городишко в сельской местности, с которой Коротышка был хорошо знаком. Коротышка надеялся открыть свое дело — торговать поддержанными автомобилями, чтобы мы наконец-то стали дилерами «Форда». Я выбрала дом, имея это в виду. Там были боль-

шой двор и сарай вдоль всего забора. Коротышка был по уши доволен.

Можно сказать, что с этого и начинается история: на месте нашего предполагаемого автосалона, под чутким наблюдением соседа — светловолосого холостяка с мощной пастью и отсутствующим задом в обвисших штанах, с помятым лицом и глубокими морщинами на лбу. Он застиг меня в комбинезоне и с гаечным ключом в руке. Сам он держал дуршлаг, своего рода приветственный дар, и, глядя, с какой печальной нежностью он общается с детьми, я думала, что, возможно, мне бы не стоило быть с ним доброй, ибо все в этой жизни начинается с доброты.

Садиться ему на шею в наши планы не входило.

2

Миссис Бобс ничего обо мне не знала, например, что я был учительшкой и недавно меня отстранили за то, что я чуть не выкинул из окна класса озорного ученика. Она не знала, что меня разыскивали судебные приставы, что я был постоянным участником «Радиовикторины Диззи» и о моих победах во всеуслышание сообщали каждую неделю. Она не знала, что во мне боролись плотское желание и раскаяние, а мой домишко из вагонки формально представлял опасность пожара, ибо его пол и столы были завалены книгами и газетами. Предполагаемому посетителю пришлось бы боком протискиваться по коридору между незаконно подвешенными книжными полками, растянувшимися от входной двери до раковины. Кухонный стол являл собой катастрофу: на нем громоздилось сырое белье и научные журналы вперемешку с заплесневелыми бульварными романами, главным героем которых был следовательно Наполеон Бонапарт («Бони») из полиции Квинсленда.

«О, книжный червь», — скажет она потом.

Всю жизнь я прожил в Австралии с убеждением, что это ошибка, что мое место не здесь, а в части глобуса с немецкими названиями. Я жил в ожидании, что со мной случится что-то великолепное или что-то возникнет, как бог из машины¹, и я был в этом смысле, как пассажир на пустынной платформе, готовый запрыгнуть в пролетающий мимо поезд. Я сбежал из Аделаиды, когда следовало оставаться дома, в пасторате. Я женился, хотя был бы счастливей один. Я бежал от неверной жены, оставил единственную работу, которая мне подходила, и приехал в Бахус-Марш преподавать в хулиганистом втором классе. И как пасторский сын, я все еще ожидал спасения с нетерпением, от которого сводило пальцы в тесных ботинках. Я определенно ждал новых соседей, хотя и не воображал ничего подобного.

Ночь перед их приездом была отмечена жутким знаменiem. Фургон для перевозки лошадей проплыл мимо окна моей спальни, и появились две человеческие фигуры. Я перевернулся на бок, ожидая увидеть лошадиную морду, но, когда двери открылись, я не увидел ничего, кроме кухонных стульев.

Я вновь провалился в сон. В том мире я увидел двери фургона, стеганные, с кнопками, словно банкетка. Они медленно открылись, и я увидел мужчину и мальчика, выносящих матрас. Пошатываясь, они спускались по трапу, и я не сразу понял, что их неустойчивость была вызвана не ношей, а смехом. Я крепко спал. Я улыбнулся, когда они провальсировали во двор. Они миновали уборную и сбросили свой комичный груз под грецким орехом. Только тогда я понял шутку: матрас не был матрасом. Это был громадный толстый змей, усатый, как

¹ Бог из машины (лат. *deus ex machina*) — счастливая развязка, неожиданное спасение.

сом, аккуратно сложенный для переноски, свернутый вокруг себя улиткой. Мужчина и мальчик размотали змея, словно добровольцы-пожарные, прокладывавшие брезентовый шланг по Мэйн-стрит.

Затем мужчина рванул в дом, держа безмятежную змеиную голову под мышкой. Хотя это был не мистер Дизи, ведущий радиовикторины, у него были похожие офицерские усы. Мальчик беспомощно семенил позади, придерживая, что мог, пока не рухнул на пол и завертелся, будто его щекотали.

Последние несколько лет я внимательно относился к снам, а потому решил, что этот весьма важный. Еще во сне я подумал: было время, когда у змей были перья.

Я проснулся, исполненный света и счастья, которые не исчезли, когда я услышал недовольное квохтанье кур, собравшихся под дверью. Я сожалел, что их специально выводят столь глупыми. Сожалел, что заставлял бедных тварей ждать. Я загладил вину, собрав особое угощение: муку, отруби, рыбий жир, и добавил коровьего молока на два шиллинга, размешав все в ведре рукой. Помылся. Открыв заднюю дверь, обнаружил на пороге петуха. Кур нужно покормить первыми. Петух это знал. Он шел на принцип и знал, почему я гонял его по двору. Пол нагонит тебя везде, особенно если пытаешься от него бежать.

Я смотрел, как клюют несушки, и вдруг услышал возню по соседству: настоящие, живые дети бегали по заброшенному дому. Я был в пижаме. Босиком, а земля была холодной. Фургон с лошадьми исчез. Удивительная машина была припаркована под просторным навесом.

Я не бросился к соседям как сумасшедший. Оделся как следует, в клетчатый твидовый костюм для сада и резиновые сапоги. Убрал тележку с передней веранды и выкатил ее на улицу подобрать коровьи лепешки, оставленные животиной по дороге на ярмарку. Вернул-